

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1963

В. Л. ЯНИН

РУССКАЯ КНЯГИНЯ ОЛИСАВА-ГЕРТРУДА
И ЕЕ СЫН ЯРОПОЛК

С. А. Высоцкий опубликовал открытую им в Киевской Софии древнюю надпись граффито: «Ги, помози рабѣ своен Олисаѣ Стопльчи матери, русьскыи княгыни. Я азъ то псѣ сыны Съчии»¹.

Новая надпись принадлежит к числу интереснейших источников по истории Киевской Руси XI в. — времени, когда намечались основы будущей феодальной раздробленности.

Я никак не могу согласиться с предложенным С. А. Высоцким чтением заключительной части этого граффито, важной для установления авторства надписи. С. А. Высоцкий совершает явное насилие над палеографией, усматривая в сочетании знаков **СЫНЫСЪЧИИ** слова **СЫНЫ**, **СЪУЩИ**. Здесь следует видеть **СЫНЫ СЪЧИИ** с опущенным титлом, т. е. «сын Святополъчии»².

В надписи названа Олисава, «русская», т. е. в данном контексте киевская, княгиня, жена великого князя, мать Святополка. Надпись является автографом ее внука, сына Святополка. Этих данных достаточно, чтобы предпринять отождествление имен граффито с летописными именами.

Среди русских князей Святополков только трое были сыновьями великих, или «руських», князей. Святополк Ярополкович, сын Ярополка Святославича, носивший прозвище «Окаянный», родился в 980 г. и умер в 1019 г. Его мать, «грекияна», возможно, была жива к моменту окончания Софийского собора, однако у Святополка Окаянного не было детей, и надпись поэтому не может иметь отношения к названному князю. Точно также не оставил сыновей Святополк Мстиславич, сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха, упоминаемый в летописи с 1132 г. и умерший в 1154 г. Наконец, Святополк Изяславич, сын великого князя Изяслава Ярославича и сам великий князь, родившийся в 1050 г. и умерший в 1113 г., оставил четырех сыновей. Следовательно, речь в надписи

¹ С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской. — НЭ, т. III, 1962, стр. 154—156, 176—177.

² Контракция большого числа букв в имени Святополка может быть результатом особого почтения сына к самому начертанию имени отца. На этот счет в древности существовало правило: «Еже что свято и господеви угодное, то пишется под титлом, а еже что богу мерзко, отпадшее, то пишется все складом, отнюдь не покрывается» (И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895, стр. 693). О многочисленных случаях мены Ъ на Ы главным образом на конце слова в конце XI в. см. С. П. Обнорский. Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года. — Известия ОРЯС, т. XXIX. Л., 1927, стр. 190—192.

может идти только о Святополке, сыне Изяслава Ярославича, его матери — жене Изяслава, а сама надпись сделана одним из сыновей Святополка Изяславича.

Русские письменные источники хорошо знают княгиню Изяслава Ярославича, хотя под именем Олисава она становится известной впервые. Летопись рассказывает о женитьбе Изяслава Ярославича в 1043 г., когда ему было 19 лет, на сестре польского короля Казимира I Мниха³. Польской королевной жена Изяслава называется и в житийной литературе. В частности, об ее происхождении говорится в Киево-Печерском патерике: «Егда изгнан бысть святыи Антоний князем Изяславом, Варлама ради и Ефрема, княгини же его ляховица суши, възбрани ему» и т. д.⁴ В макариевских Четьях-Минеях, в тексте жития Антония Печерского, восходящем, как предполагают, к несохранившейся части Киево-Печерского патерика, тот же рассказ закончен фразой: «Бысть бо сия княгиня ляховица, дщерь Болеслава Храброго»⁵. В последней фразе может быть отмечена явная несообразность: сестра Казимира Мниха должна быть дочерью Мешко (Мечеслава) II; Болеслав Храбрый приходится ей не отцом, а дедом. Однако гораздо важнее хронологические показания житийного рассказа. В летописи о конфликте Изяслава с Антонием рассказывается под 1069 г.⁶ Тем самым устанавливается, что под 1043 и 1069 гг. говорится об одной и той же женщине. Установить такое тождество небесполезно для анализа наших основных источников, поскольку А. А. Бобринский⁷, а вслед за ним и С. А. Высоцкий допускают возможность второго брака Изяслава около 1050 г.

В 1073 г. Изяслав Ярославич, изгнанный из Киева Святославом и Всеволодом, бежит в Польшу вместе с женой⁸. В 1077 г. он снова овладевает Киевом, где княжит до смерти в 1078 г. В последующие годы его вдова постоянно находится у своего сына Ярополка, получившего в 1078 г. от Всеволода Ярославича в удел Владимир Волынский. В 1085 г., когда Ярополк вынужден был спастись бегством от Мономаха в Польшу, его мать и дружина были пленены киевлянами в Луцке⁹, но, по-видимому, освобождены в 1086 г. при заключении мира. В 1086 г. Ярополк был убит, а вдова Изяслава Ярославича не упоминается больше до смерти в 1107 г., когда летописец записал о «преставлении княгини Святополча матери генваря в 4 день»¹⁰.

Для нас важно установить, что во всех случаях речь здесь идет об одной и той же женщине, и, следовательно, мать Ярополка и мать Святополка — одно и то же лицо. Это отождествление может быть с успехом проделано, если ориентироваться на возраст детей Изяслава. У Изяслава Ярославича было три сына: Ярополк, Святополк и Мстислав. Хотя летописцу известна лишь дата рождения Святополка — 1050 г.¹¹, однако все три княжича появляются в летописи как активные и вполне самостоятельные деятели приблизительно в одно и то же время. Мстислав в 1069 г., посланный отцом в Киев после городского восстания, производит там многочисленные казни, инициатива которых летописцем приписывается

³ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 138; т. VII. СПб., 1856, стр. 331.

⁴ Киево-Печерский патерик. СПб., 1911, стр. 206.

⁵ Цитирую по книге: Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 8.

⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стр. 193; т. II. СПб., 1843, стр. 271—272.

⁷ А. Бобринский. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтири Егберта архиепископа Трирского. — ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, новая серия; ГОСРА, кн. 5. СПб., 1901, стр. 367—371.

⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 182—183; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 341—342.

⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 205; т. II, стр. 276; т. VII, стр. 3.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 282; т. II, стр. 288; т. VII, стр. 21.

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 16.

«ему самому, получает от отца Полоцк и умирает в том же году. На его место в Полоцке посажен Святополк¹². Ярополк в 1070 г. одерживает свою первую победу над Всеславом Полоцким¹³. Из этого следует, что все сыновья Изяслава родились не позднее 1050-х годов или же еще в 1040-х годах, т. е. в тот промежуток времени, когда сообщениями 1043 и 1069 гг. засвидетельствован брак Изяслава с сестрой Казимира¹⁴. Мы имеем, таким образом, все основания называть Олисовой ту княгиню, которая в разных местах летописи называется то сестрой Казимира, то княгиней Изяслава, то матерью Ярополка, то матерью Святополка. В отличие от А. А. Бобринского и С. А. Высоцкого я не вижу какого-либо летописного противопоставления «матери Ярополка» и «матери Святополка». В зависимости от контекста вдова Изяслава Ярославича называется «матерью Ярополка», когда после смерти своего мужа она живет у своего старшего сына и участвует в его злоключениях, и «матерью Святополка», когда из ее сыновей в живых остается только Святополк, ставший к тому же великим князем.

Придя к изложенному выводу, мы, однако, наталкиваемся на целый клубок противоречий, который заключен в одном из любопытнейших памятников русской истории, так называемом «Кодексе Гертруды». Несмотря на то, что история Трирской псалтири, включившей в свой состав этот «Кодекс», и сама характеристика памятника приводились в литературе неоднократно, я еще раз изложу основные сведения, чтобы обратить внимание на некоторые детали, не отмеченные до сих пор исследователями или не оцененные должным образом.

Трирская или Эгбертинская псалтирь, изготовленная в конце X в. по заказу трирского архиепископа Эгберта (977—993 гг.), в настоящее время хранится в городском архиве Чивидале в Ломбардии. Псалтирь принадлежит к числу обычных западноевропейских рукописей подобного рода. Замечательна она тем, что из Германии некогда попала в славянские руки и к ней были подшиты дополнительные листы с молитвенными текстами и миниатюрами. Н. П. Кондаков, осматривавший рукопись во время поездки в Италию в 1903 г., отмечает сходство почерков, которыми выполнены тексты дополнений. Что касается миниатюр (их всего пять), то Н. П. Кондаков в специальном исследовании безоговорочно их рассматривал как продукт творчества одного рисовальщика¹⁵. Впоследствии Н. П. Сычов, а вслед за ним А. Н. Свири и В. Н. Лазарев говорили о принадлежности миниатюр трем мастерам¹⁶, однако сама хронологическая близость изображений для всех исследователей несомненна. Все пять миниатюр — это заказ одного лица.

¹² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 173, 174; т. II, стр. 272; т. V, стр. 143; т. VII, стр. 337.

¹³ Там же.

¹⁴ Взаимное старшинство сыновей Изяслава устанавливается на основании прямых указаний источников. Мстислав был его младшим сыном (1069 г. — «Посла же Изяслав пред собою сына своего меньшаго Мстислава Киеву»; 1073 г. — «Бе же у него сынове Ярополк, Святополк, а меньший сын его Мстислав преставися в Полоцке»). Святополк — второй сын Изяслава Ярославича, о чем можно судить, между прочим, по добавлению, сделанному В. Н. Татищевым, к известию о рождении Святополка в 1050 г.: «Изяславу второй сын». Первородство Ярополка лежит в основе характеристики этого князя в Степенной книге: «О благонаравии князя Ярополка Изяславича. Блаженный князь Ярополк Изяславич мало печашеся о земных, но паче небесных благ желание получитьи, не требуя на земли величества отеческия ему державы». Следовательно, Ярополк родился до 1050 г., а Мстислав вскоре после 1050 г. (А. Бобринский. Указ. соч., стр. 367—371).

¹⁵ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 3, 117 и др.

¹⁶ Н. П. Сычов. Искусство средневековой Руси. — Серия «История искусства всех времен и народов», кн. 4. Л., изд. Сойкина, 1929, стр. 203—205; А. Н. Свири. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 19—21; В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. — В кн. «История русского искусства», т. 1. М., 1953, стр. 230, сл.

Молитвенные тексты, подшитые к псалтири, и миниатюры обнаруживают несомненное единство в содержании. Среди пяти изображений три обычны по своим сюжетам и представляют сцены рождества Христова, распятия и богоматерь, сидящую на престоле, а две совершенно необычны. Заглавная миниатюра изображает апостола Петра и обращающуюся к нему с молением княжескую чету (рис. 1 и 3). Около мужского изображения помещена надпись: **О ДІКАІОС ЯРОПЪЛК**, женская фигура не поименована. У ног апостола изображена еще одна фигура — распростертой женщины, готовящейся лобзать ступню святого; над фигурой пояснительная надпись: **МР ЯРОПЪЛ**. Ярополк — несомненный князь и князь русский, поскольку его имя русское и специально княжеское.

Другая необычная миниатюра изображает сцену венчания Христом княжеской четы (рис. 2). Пантократор держит венцы над головами мужчины и женщины в пышных одеждах. Венчающихся подводят к нему патроны князя и княгини — апостол Петр и св. Ирина.

Обе миниатюры изображают одну и ту же княжескую чету вопреки разнице имен, на что указывают молитвенные тексты. В молитвах называется по имени владелица псалтири и дополнений к ней некая Гертруда, упоминается в условной форме о бедствиях самой Гертруды и ее сына Петра. Она молит за Петра богоматерь, апостола Петра, архангела Михаила и св. Елену. Кроме того, в «Кодексе» есть и специальная молитва «О здравии сына Петра». Отсюда ясно, что в сцене венчания изображен сын владелицы псалтири Гертруды, а в сцене моления перед апостолом Петром и она сама как мать Ярополка. Здесь отражен традиционный обычай двойного имени — светского и крестильного. Князь Ярополк носил христианское имя Петр.

Отождествлению этих имен с именами реальных исторических лиц немало способствуют обстоятельства, связанные с судьбой Трирской псалтири, приведшей рукопись в конце концов в Ломбардию. В Чивидале псалтирь, как это следует из заметки на одном из ее листов, хранится с первой половины XIII в., будучи пожертвованной в 1229 г. местному духовенству венгерской принцессой Елизаветой Святой. Упомянутая заметка сделана в позднее время почерком рубежа XV и XVI вв., однако известная достоверность содержащегося в ней сообщения была подкреплена еще первыми издателями псалтири, обратившими внимание на то обстоятельство, что в указанное время патриархом Аквилей (с центром в Чивидале) был Бертольд, родной дядя Елизаветы Святой¹⁷. Перед тем, около 1160 г., псалтирь находилась во владении графов Ардек, а еще раньше принадлежала Цвифальтенскому монастырю в Вюртемберге, в описях которого значилась как вклад герцогини Саломеи Бергской, второй жены польского короля Болеслава III (*unum psalterium magnum aucto conscriptum*)¹⁸. Саломея умерла в 1144 г. Следовательно, к этому моменту рукопись уже существовала вместе с дополнением в виде «Кодекса Гертруды». Однако в промежуток времени от принятия христианства до середины XII в. на Руси существовали только два князя с именем Ярополк: Ярополк Изяславич, умерший в 1086 г., и Ярополк Владимирович, умерший в 1139 г. Матерью Ярополка Владимировича была не Гертруда, а Гита Гаральдовна. Поэтому изображения «Кодекса Гертруды» возможно связывать только с Ярополком Изяславичем, а в самой Гертруде видеть жену Изяслава Ярославича. Эта атрибуция источника утвердилась в литературе еще в начале текущего столетия и не вызывает никаких сомнений.

¹⁷ А. Бобринский. Указ. соч., стр. 360.

¹⁸ H. V. Sauerland und A. Haseloff. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier. Codex Gertrudianus in Cividale. Trier, 1901; А. Б о б р и н с к и й. Указ. соч.; Н. П. К о н д а к о в. Указ. соч., стр. 11.

Рис. 1. Выходная миниатюра «Кодекса Гертруды»

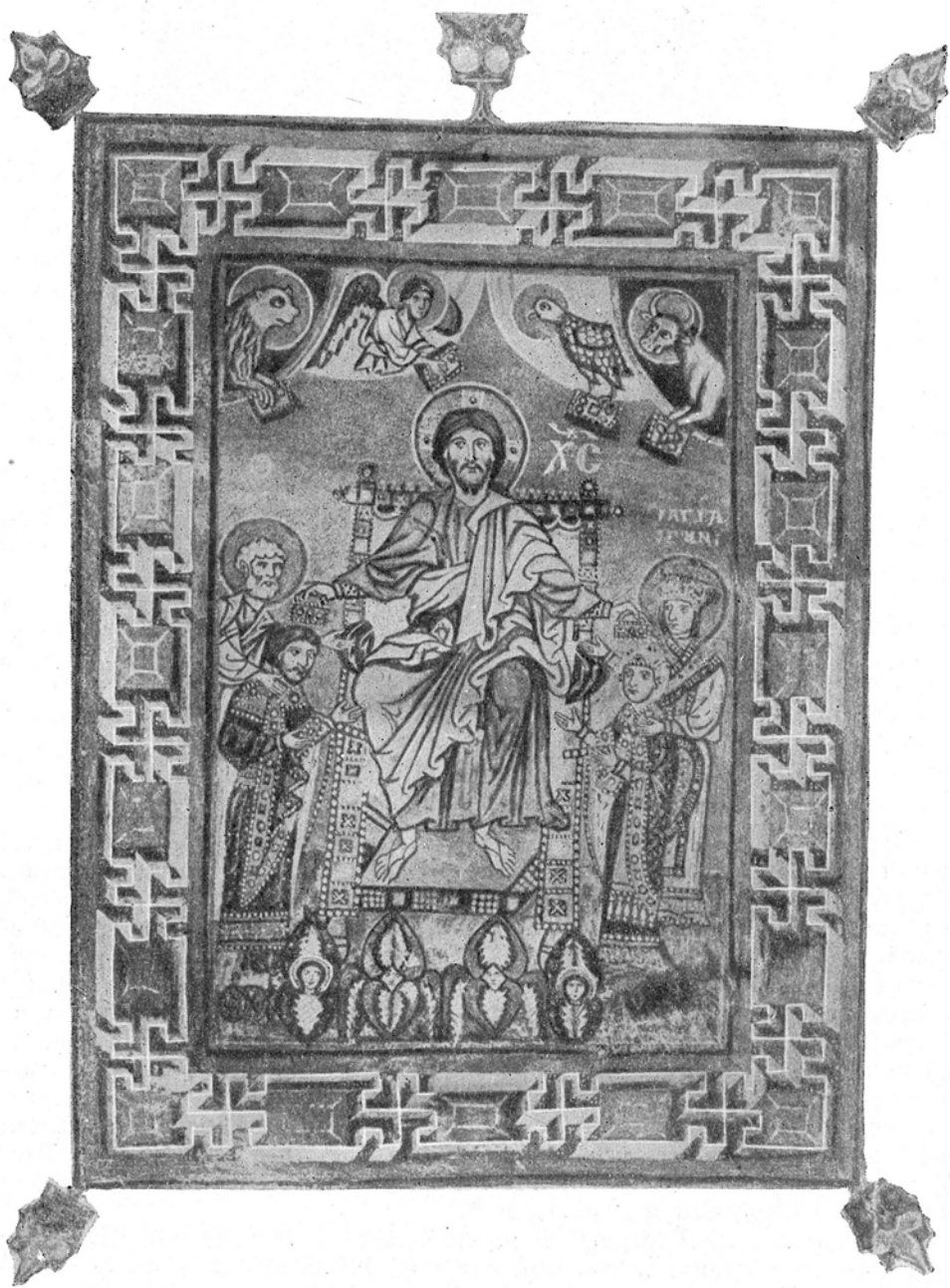

Рис. 2. Миниатюра «Кодекса Гертруды» с изображением венчания Петра и Ирины

Рис. 3. Выходная миниатюра «Кодекса Гертруды» (деталь)

В самом несовпадении имен Гертруды и Олисавы, принадлежащих, таким образом, одной и той же княгине, еще нет никакого противоречия. Гертрудой жена Изяслава Ярославича могла, например, называться в девичестве, а затем постоянно пользоваться этим именем в быту. Олисавой, т. е. в канонической форме Елисаветой или Елисаветой, она стала, выйдя замуж и приняв православие, однако это имя как крестильное употреблялось только в определенных случаях, подобно крестильным именам князей. Последние постоянно именовались Изяславами, Святополками, Владимирами, Мстиславами, хотя и бывали крещены с именами Димитрий, Михаил, Василий и т. п. О живучести иноземных имен русских княгинь говорит обычай давать иногда тройные имена детям, родившимся от браков русских князей с иноземными принцессами. Так, Мстислав, сын Владимира Мономаха и Гиты Гаральдовны, назывался кроме того Феодором и Гаральдом¹⁹.

Отождествление Гертруды и жены Изяслава Ярославича позволяет восстановить обстоятельства, при которых Эгбертинская псалтирь переселилась из Киева в Польшу. Саломея Бергская была второй женой польского короля Болеслава III, а первой его женой была русская княжна дочь Святополка Изяславича и, следовательно, внучка Гертруды — Сбыслава, отданная в Польшу замуж в 1102 г.²⁰ Мы живо представляем

¹⁹ Повесть временных лет, т. 2. М.—Л., 1950, стр. 432 (комментарий Д. С. Лихачева).

²⁰ «В се же лето ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, месяца ноября в 16 день». — ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 276; т. II, стр. 286.

себе, как Гертруда уже на склоне лет передала вместе с благословением свой католический молитвенник внучке, отправлявшейся под венец в страну «латынской веры» Польшу.

Сочетание имен Гертруды и Олисавы, принадлежавшее русской княгине, владелице псалтири, позволяет отчасти восполнить еще один существенный пробел в сложной биографии книги, совершившей длительное путешествие из Трира в Киев, а из Киева в Польшу, снова в Германию и, наконец, в Италию. Я имею в виду обстоятельства перехода рукописи из владения графов Ардекских в руки Елизаветы Святой или, если с осторожностью подходить к приписке Трирской псалтири, во владение венгерского дома. Рассматривая родословные списки потомков Альмуша, мы не можем не обратить внимание на одно имя, принадлежащее дочери короля Белы II. Эта принцесса была близкой родственницей Сбыславы, внучкой ее родной сестры Предславы, отданной замуж в Венгрию за короля Альмуша в 1104 г. Более того, она в известном смысле повторила судьбу Сбыславы, так как была отдана в 1150 г. за короля Мешко III²¹ и стала польской королевой, подобно своей бабке Сбыславе. Судьба привела ее не только в Польшу, но и в те самые королевские покои, откуда за несколько лет до того в Цвифальтенский монастырь была пожертвована Саломеей Эгбертинская псалтирь.

Существуют основания предполагать, что у дочери Белы II не только имелся особый интерес к этой псалтири, но ее желание вернуть фамильную реликвию подкреплялось особыми обстоятельствами. Дело в том, что эта принцесса называлась Гертрудой-Елизаветой — сочетание для нас многозначительное. Вполне уместно полагать, что это повторное сочетание имен было своего рода посвящением, свидетельствующим об особом почитании Гертруды-Олисавы Киевской ее католическими потомками. В этой связи полулегендарное упоминание Елизаветы Святой в приписке к псалтири может и не иметь отношения к канонизованной дочери Андрея II, родившейся уже после смерти Гертруды-Елизаветы Венгерской, а лишь сохранять искаженное воспоминание о более ранней представительнице венгерского дома, хотя, с другой стороны, нет ничего невозможного и в том, что после смерти Гертруды-Елизаветы Венгерской псалтирь перешла во владение ее венгерских родственников. Особое внимание привлекает к себе еще один значительный факт. Оказывается, что мать Елизаветы Святой, жена венгерского короля Андрея II, называлась Гертрудой²². Не делая конкретного вывода, для которого у нас мало данных, мы во всяком случае можем определенно отметить, что интерес к сочетанию имен Елизавета и Гертруда сохранился и в следующих поколениях венгерского дома²³. Иными словами, между 1160 и 1229 гг. возможность перехода рукописи во владение венгерского дома подкрепляется устойчивой традицией особого почитания в Венгрии Гертруды-Олисавы.

Противоречия начнутся как только будет поставлен вопрос о религиозном характере «Кодекса Гертруды». Молитвенник, подшитый к Эгбертинской псалтири, является несомненным памятником католичества. Это не перевод православных молитв на латинский язык, а вполне законченное произведение «латынской веры». В этом убеждает не только его успех как монастырского вклада в Германию и Италию, но и само содержание молитв Гертруды. Не вдаваясь в излишний анализ всех текстов, приведу самый яркий пример. На л. 213-м об. «Кодекса» помещена молитва «за

²¹ ПСРЛ, т. II, стр. 300.

²² ПСРЛ, т. II, стр. 157, 159.

²³ Отмечу заметно тенденциозный характер даты 1229 г., названной в приписке. Этот год в житии св. Елизаветы выделяется как знаменитый особо аскетическим подвижничеством. (M o n t a l e m b e r t. Histoire de Sainte Elisabeth de Hongrie. Paris, 1906; S i m o n. Ludwig IV und die Heilige Elisabeth. F/M., 1854.

папу, князя нашего, императора нашего, епископов наших и аббатов, за родственников, братьев и сестер». В «Кодексе» отразилась не только форма католической молитвы, но в самих молитвах присутствует идея папской универсальной теократии, проводимая в жизнь Григорием Гильдебрандом. В частности, изображение лобызания ног апостола Петра Гертрудой, на мой взгляд, является, по существу, символизированной иллюстрацией к 9 статье «Диктата папы» об обязательном лобызании ног папы «всеми государями». Само имя владелицы псалтири — Гертруда — свидетельствует о том, что она была католичкой.

Если ее католичество закономерно до 1043 г., то, приняв с замужеством имя Олисава, Гертруда должна была перейти в православие, как обязательно переходили в «греческую веру» все англо-саксонские, немецкие, польские и венгерские принцессы, становившиеся женами русских князей. Не было бы никакого противоречия, если бы составление «Кодекса» относилось ко времени до 1043 г. Однако он составлен уже в то время, когда сын Гертруды-Олисавы Ярополк сам стал взрослым человеком и женился²⁴, т. е. не ранее, по крайней мере, 1060-х годов.

Вполне вероятным могло бы быть предположение о том, что Гертруда-Олисава вернулась в католичество после смерти своего мужа Изяслава Ярославича, т. е. после 1078 г., как вернулась в католичество за два года до того вдова Святослава Ярославича Ода²⁵. Но этому предположению противоречат свидетельство 1085 г. о пленении матери Ярополка в Луцке и именование ее Олисавой в граффито Киевского Софийского собора, относящемся ко времени не ранее 1093 г., когда Святополк Изяславич со своим потомством впервые водворился в Киеве²⁶.

Второе в самой высшей степени противоречивое обстоятельство неизбежно бросается в глаза при чтении молитвенных текстов «Кодекса», оно уже было отмечено в литературе. Гертруда дважды называет Петра своим «единственным» сыном — в молитве к деве Марии («pro unico filio meo Petro») и к апостолу Петру («pro omni exercitu unici filii mei»). Между тем, вне зависимости от того, составлен ли молитвенник в 1060-х или в 1070-х, или даже в первой половине 1080-х годов, Гертруда-Олисава вовсе не была матерью единственного сына. До 1069 г. у нее было три сына, до 1086 г. — два и только после 1086 г., действительно, один, но не Ярополк-Петр, а Святополк-Михаил.

Наконец, еще одно заметное противоречие является, если можно так выразиться, чисто литературным. Это не противоречие между «Кодексом» и другими источниками, а противоречие элементов «Кодекса» и его даты, принятой в литературе. Ярополк в заглавной миниатюре назван с эпи-

²⁴ Л. М. Савелов («Родство потомков Владимира Святого с домом Пястов». — «Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой». М., 1916, стр. 250) называет женой Ярополка Кунигунду Орламондскую. Источник этого сообщения, к сожалению, не указан. Статья Л. М. Савелова содержит обобщенные материалы о родственных связях русского княжеского дома с польским, чешским и венгерским королевскими домами.

²⁵ Известно, что переход в католичество обязательно сопровождался сменой имени. Дочь Ярослава Владимировича Анастасия, вышедшая замуж за венгерского короля Андрея около 1048 г., получила в Венгрии имя Агмонды. Ее сестра Анна, жена французского короля Генриха, называлась во Франции Агнессой. Дочь Всеволода Ярославича Евпраксия, дважды бывшая замужем в Германии, получила там имя Адельгейды (С. П. Розанов. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна. — ИАН СССР, VII серия, 1929, № 8, стр. 624).

²⁶ Вполне возможно высказать некоторые предположения об авторе киевского граффито. У Святополка Изяславича было четыре сына: рожденные от наложниц и действующие в летописи уже под 1099 г. как вполне взрослые княжичи Мстислав и Ярослав и дети его законной жены, дочери половецкого хана Тугоркана, Брячислав и Изяслав. Святополк женился в 1094 г., а под 1104 г. в летописи сообщается о рождении его законного первенца Брячислава, которому в год смерти Олисавы было, таким образом, около трех лет. Следовательно, сделать надпись могли только старшие сыновья. Святополка — Мстислав или Ярослав.

тетом **О ΔΙΚΑΙΟΣ** — «праведный». Н. П. Кондаков писал об этом эпителие следующее: «Истоцив по этому поводу все справочные материалы, мы решились бы остановиться на одном соображении: известно, что титул праведного (в отдельности, не четы, как, напр., Иоакима и Анны, Захарии и Елисаветы) придается в особенности ветхозаветному Иову, а в одной из греческих лицевых рукописей его книги (Библия. ц. св. Марка, № 803) XI века находим изображение Иова внутри портика, среди двух колонн, стоящим и благословляющим: по сторонам фигуры надпись $\acute{o} \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\varsigma$ 'Ιοβ. Можно, наконец, предположить, что подобное титулование могло быть дано Ярополку, когда он, как тот же «многострадальный» Иов, возвратился в прежнее свое владение, во Владимир Волынский, и что самые миниатюры могли быть исполнены именно там, незадолго до безвременной кончины князя»²⁷.

На первый взгляд, такое объяснение, казалось бы, вполне подтверждают летописные тексты. Под 1086 г. в рассказе о смерти Ярополка летописец записал панегирик Ярополку: «Много беды приим, без вины изгоним от братья своя, обидим, разграблен, прочее и смерть горькую прият, но вечней жизни и покою сподобися. Так бяше блаженный съ князь тих, кротък, смирен и братолюбив, десятину дая святей богородици от всего своего имения по вся лета, и моляше бога всегда, глаголя: «Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двема братома моима, Борису и Глебу, от чюжею руку, да омыю грехи вся своею кровью и избуду суетного сего света и мятежа, сети вражии». Его же прошенья не лиши его благый бог: въсприя благая она, их же око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку не взиде, еже уготова бог любящим его»²⁸. Я привожу эту длинную летописную цитату, поскольку в ней под шелухой канонического молитвословия скрываются весьма значительные вещи. Летописец изображает Ярополка праведником в духе Иова, человеком несправедливо обиженным и вполне заслуживающим эпитета **О ΔΙΚΑΙΟΣ**. Но он намекает также и на тяжелое раскаяние Ярополка, на какие-то его прегрешения, искупленные смертью. Ниже мы вернемся к этим «грехам» Ярополка, здесь же остановимся на первой части его летописной характеристики.

Любая характеристика складывается по мере возникновения фактов, лежащих в ее основу. Ярополк кажется летописцу образцом кротости и самоотречения потому, что он был изгнан, обижен братьей, разграблен, убит, и все это свершилось «без вины». Между тем, все перечисленные несчастья происходят с Ярополком в самые последние годы его жизни, когда в 1084 г. Ростиславичи выгнали его из Владимира Волынского, когда, вернув удел при содействии Всеволода Ярославича, он в 1085 г. вынужден был вторично оставить свое княжество и бежать, спасаясь теперь от Мономаха. Брошенные Ярополком в Луцке его мать, дружина и имущество достаются киевлянам, причем имущество Владимир Мономах забирает себе. В 1086 г. Ярополк мирится с Владимиром Всеволодовичем и возвращается в свое княжество, но вскоре смерть от руки убийцы настигает его. Мы видим, что именно здесь, на протяжении двух последних лет, концентрируются все фактические основания летописной характеристики Ярополка: и изгнание без вины, и обиды, и разграбление, и горькая смерть. Вряд ли кому-нибудь до 1084 г., даже до 1086 г., Ярополк Изяславич мог показаться «многострадальным Иовом».

Если опираться на предположения Н. П. Кондакова, изложенные выше в пространной цитате, то из них возможно сделать только один вывод: «Кодекс Гертруды» мог быть составлен и украшен миниатюрами лишь в 1084—1086 гг. Однако этот вывод наталкивается на серьезнейшее

²⁷ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 123.

²⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 206—207; т. II, стр. 277.

противоречие с блестящим истолкованием миниатюр «Кодекса», предложенным тем же Н. П. Кондаковым. В своем труде, посвященном анализу изображений в «Кодексе Гертруды», уже неоднократно упомянутом в настоящей статье, Н. П. Кондаков всесторонне исследовал особенности венцов, княжеских одежд и украшений Петра-Ярополка и Ирины и пришел к ценнейшему и, на мой взгляд, абсолютно доказанному выводу, что князь и княгиня в сцене венчания носят инсигнии великокняжеской власти, а сама сцена является изображением их венчания на великокняжеское достоинство ²⁹.

Этот вывод, однако, не был использован Н. П. Кондаковым для исторических датировок. Между тем, на всем протяжении жизни Ярополка Изяславича, начиная с 1078 г., когда киевский стол оказался в руках Всеволода Ярославича, до 1086 г., когда Ярополк был убит Нерадьцем, для Ярополка ни разу не возникала даже отдаленная возможность стать великим князем. Более того, до смерти Всеволода Ярославича Ярополк не мог даже надеяться занять его место. Этому мешал традиционный порядок старшинства. Всеволод был последним оставшимся в живых сыном Ярослава Владимировича, и только его смерть могла включить в активную борьбу за киевский стол претендентов на великое княжение уже из числа внуков Ярослава Мудрого. Но Всеволод на семь лет пережил Ярополка.

Рассмотрим существующие датировки «Кодекса Гертруды» и основания этих датировок.

Н. П. Кондаков склонялся к дате 1084—1086 гг., используя в подкрепление своей мысли два аргумента. Один из них — объяснение эпитета *Θ ΔΙΚΑΙΟΣ* при имени Ярополка — уже изложен выше. Другой исходит из особенностей изображения богоматери на одной из миниатюр «Кодекса». По мнению исследователя, это изображение, представляющее богоматерь сидящей на престоле, прямолично, и держащей на коленях младенца, также обращенного лицом к зрителю, является «в известных пределах, ближайшим, и, по времени, древнейшим изображением того типа, который был воспроизведен, по сказанию Киево-Печерского патерика, около 1083—1089 годов мозаикою в алтаре Киево-Печерской церкви, прославился и распространился во множестве копий, списков и подобий по России» ³⁰. Печерская мозаика не сохранилась, и Н. П. Кондаков судил о сходстве с ней рисунка лишь по иконописным прорисям не старше XVI в. и позднейшим подобиям (вроде Свенской-Печерской чудотворной иконы). Н. П. Кондаков привел также ряд западноевропейских и других иноземных аналогий, которые были призваны подкрепить его мысль, что так называемый «Печерский» тип появляется вообще не ранее XI в. Даты указанных им аналогий суммарны — XI—XII вв. ³¹

В привлечении этих аналогий и кроется самое слабое место хронологической аргументации исследователя. С одной стороны, он предлагает считать печерскую мозаику древнейшим образцовым памятником для всех позднейших изображений подобного типа; с другой стороны, если согласиться с его рассуждениями, то подобные изображения, уже в XI—XII вв. появившись в Триесте, на Кавказе, во Флоренции, в Мессине, заставляют признать только что созданный Киево-Печерский монастырь каким-то мировым художественным и религиозным центром, который уже в XI в. активно воздействовал на художников громадной территории от Кавказа до Сицилии. Указанные Н. П. Кондаковым аналогии

²⁹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 90, 97.

³⁰ Там же, стр. 121.

³¹ Там же, стр. 122.

говорят о полной возможности создания миниатюры «Кодекса» раньше появления мозаичного изображения в Киево-Печерском монастыре³².

Более осторожной датировки придерживался первый исследователь «Кодекса Гертруды» А. Хазелоф, наметивший более широкие хронологические рамки — 1078—1086 гг.³³ Насколько мне известно, эта суммарная датировка больше привилась в литературе. Во всяком случае, ее придерживаются авторы всех просмотренных мною специально общих очерков истории русского искусства, культуры и общеисторических трудов³⁴. Легко заметить, что в данном случае датировка вообще не опирается на анализ самого памятника, в частности, на особенности инсигний княжеской четы, а исходит из простейшего предположения, что вряд ли миниатюры могли появиться до смерти Изяслава Ярославича в 1078 г., когда Гертруде надлежало молиться скорее о здравии своего мужа, чем о здравии сына, а следовательно, изображения относятся к более позднему времени.

Подведем некоторые итоги изложенным наблюдениям. На миниатюрах «Кодекса Гертруды», датированных весьма суммарно, изображен сын Гертруды и Изяслава князь Ярополк, названный в надписи *O ΔΙΚΑΙΟΣ*, снабженный великокняжескими инсигниями и поименованный в тексте «Кодекса» единственным сыном Гертруды. Владелица «Кодекса» и заказчица миниатюр была католичкой. Все эти обстоятельства оказываются в высшей степени противоречивыми, так как Ярополк Изяславич не был великим князем, был не единственным сыном Гертруды; стал *O ΔΙΚΑΙΟΣ* в понимании Н. П. Кондакова незадолго до смерти, а скорее всего после смерти; мать же его была православной и носила имя Олисава, т. е. в канонической форме Елисавета или Елисавета.

Для того чтобы осмыслить все эти противоречия и попытаться объяснить их, нужно рассмотреть события, связанные с княжением Изяслава Ярославича.

Изяслав впервые утвердился на киевском столе в 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого и согласно его завещанию, так как он был старшим из сыновей Ярослава. До 1068 г. Изяслав княжит в Киеве, поддерживая постоянный союз со своими братьями Святославом и Всеволодом, организуя вместе с ними совместные походы. Этот период в исторической литературе получил даже название «времени триумvirата». В 1066 г. братья взяли в плен полоцкого князя Всеслава и заточили его у Изяслава в Киеве. В 1068 г. после неудачного похода князей — «триумvirов» на половцев киевляне поднимают восстание, освобождают Всеслава из темницы, провозглашают его великим князем, а Изяслав бежит в Польшу. С помощью племянника своей жены, короля Болеслава, он, спустя семь месяцев, 2 мая 1069 г., вновь овладевает Киевом, где в течение долгих месяцев остаются также Болеслав и польские дружинники, поставленные

³² Указывая иноземные аналогии, Н. П. Кондаков все же отмечает на них «изменное положение рук» богоматери. Однако положение ее рук на миниатюре «Кодекса Гертруды», где богоматерь придерживает младенца за грудь, резко отличается и от положения рук на всех известных русских подобию печерского образа, на которых оно к тому же постоянно варьирует, не позволяя установить в точности, каким оно было на «образцовой» печерской мозаике.

³³ H. V. Sauerland und A. Haseloff. Op. cit.

³⁴ См., например, Н. П. Сычов. Указ. соч., стр. 203—204; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 50; А. Н. Свиригин. Указ. соч., стр. 19; М. К. Каргер. Живопись. — В кн. «История культуры древней Руси. Домонгольский период», т. 2. М.—Л., 1951, стр. 357; В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 230; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 242—243 (статья М. К. Каргера); Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 172 (здесь говорится вообще о конце XI в.). Иногда крайней датой оказывается 1087 г., под которым смерть Ярополка показана в Густынской летописи.

Изяславом «на покорм». Затем киевляне начинают избивать поляков и вынуждают Болеслава с остатками его войска вернуться домой³⁵.

В 1073 г. наладившийся было и озаменованный совместным перенесением мощей Бориса и Глеба союз Ярославичей распадается. По инициативе Святослава, заподозрившего Изяслава в тайном сговоре с Всеславом и в каких-то замыслах против братьев, Святослав и Всеволод изгоняют своего старшего брата из Киева, а на великокняжеский стол садится следующий по старшинству брат Святослав. Изяслав с семьей и большим количеством ценностей, на которые он надеется набрать себе дружину, снова бежит в Польшу, однако не находит больше поддержки у Болеслава. Напротив, «ляхове, все взявша у него, показавше ему путь от себе»³⁶.

Не получив поддержки в Польше, Изяслав отправляется в Саксонию, где живет в течение некоторого времени у маркграфа Деди, вынашивая надежду на пособничество со стороны германского императора. Он посещает Генриха IV в Майнце, приносит ему дары и просит помощи против Святослава, выбрав для этого крайне неудачный момент. Как раз в это время достигает накала вражда Генриха IV с папой Григорием VII Гильдебрандтом, приведшая императора спустя два-три года в Каноссу; тогда же начинается затяжная война с саксами. Не отказывая прямо в помощи Изяславу, император отправляет в Киев посольство, которое, как сообщает немецкая хроника, должно было потребовать возвращения Изяславу княжения и угрожать в случае отказа войной, к слову сказать, совершенно не реальной, так как Генрих IV в этот момент находился во враждебных отношениях с Польшей. В истории этого посольства много странного. Немецкие хронисты согласно сообщают о том, что посольство везло какие-то тайные письма, существует намек на то, что эти тайные письма касались главы посольства — соборного пробста в Трире Бурхардта, которого, якобы, надлежало удерживать в Киеве как лицо, негодное императору. Сведения о тайных поручениях посольству противоречивы, но постоянны³⁷.

Думается, однако, что смысл этих тайных поручений мог сводиться лишь к предложению союза со Святославом против Изяслава или уверениям в нейтралитете, который Святославу предлагалось купить у императора. Находившийся во враждебных отношениях с Польшей, Генрих IV меньше всего должен был желать восстановления против себя также и Киева. Действительно, если миссия Бурхардта везла с собой угрозу войны Киеву, одновременная щекотливая просьба императора об услуге кажется нелепой и невозможной. Если же посольство отправлялось вступить в сговор со Святославом, то лучшей кандидатуры, чем Бурхардт, для того чтобы возглавить его, не могло быть. Святослав, захвативший киевский стол, был женат на родной сестре Бурхардта³⁸. В самом деле, Святослав

³⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 166—174; т. II, стр. 270—272; т. V, стр. 141—143; т. VII, стр. 336—337.

³⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 183; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 341—342.

³⁷ De bello saxonic. Monumenta germ. script., t. V. Подробное изложение германских событий см. на русском языке в статьях: И. А. Л и н н и ч е н к о. Новоткрытое свидетельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича. — «Археологические известия и заметки», 1894, № 11, стр. 331, 332; М. Э. Ш а й т а н. Германия и Киев в XI в. — «Летопись завятий Археографической комиссии за 1926 г.», т. XXXIV, вып. 1; на западноевропейских языках: Th. E d i g e r. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der Römischen Kurie. Halle, 1911; B. L e i b. Rom, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924; Fr. B r a u n. Russland und die Deutschen in alter Zeit. — «Germanica». Halle, 1925, S. 678—727.

³⁸ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, 2-е изд., кн. 1, т. 2, прим. 48 и 128. Свидетельство основано на сообщении хроника Ламберта Херцфельдского, который, рассказывая о посольстве 1075 г., говорит, что Бурхардт «потому согласился на это посольство, что тот, к кому его послали, был мужем его сестры, и после многих просьб добился у короля того, чтобы пока против него (Святослава). —

в Киеве демонстрирует немецким послам свое богатство, по поводу чего летописец влагает в уста послов свою излюбленную сентенцию о том, что «се ни во что же есть, се бо лежит мертво; сего суть кметье лучше, мужи бо дойдут и больше сего»³⁹. Затем послы получают для Генриха IV подарки, каких, по словам немецкой хроники, в Германии никогда еще не видали, причем хронист иронически замечает, что Святослав мог бы и даром достигнуть того же результата, так как императору было не до помощи русскому князю. Для нас несомненно, что Изяслав был обдуманно обманут в Майнце.

Между прочим, участие Бурхардта в русских делах может в какой-то степени способствовать заполнению еще одного пробела в «биографии» Эгбертинской псалтири. Путь книги из Трира в Киев кажется исследователям весьма туманным. Принято или несколько загадочное утверждение о том, что псалтирь попала в славянские земли «в эпоху разрушения Трирского собора» через посредство лотарингской пфальцграфини Рикецы, матери Гертруды (Х. Зауерланд, Н. П. Кондаков), или же предполагается ее сложная передача от Бурхардта к Оде и от Оды к Гертруде (Х. Зауерланд), или же, наконец, используется общий вывод об оживленных сношениях Руси с южной Германией по регенсбургскому пути (В. Н. Лазарев).

Однако изложенные выше обстоятельства достаточно ясно указывают, что в Майнце трирский соборный провост Бурхардт должен был встречаться и с Изяславом и с Гертрудой. Во всяком случае, Майнц — это наиболее возможная точка пересечения судеб русской княгини и трирской рукописи, которая принадлежала тому собору, где главой был Бурхардт.

Прием Святославом немецкого посольства отмечен немецкими хрониками и русской летописью под 1075 г. В том же году Изяслав предпринимает новую попытку добиться поддержки в Западной Европе. Крушение его первоначальных планов при императорском дворе для него теперь непреложный факт, так как он решает обратиться к заклятому врагу императора папе Григорию Гильдебрандту. В Рим едет сын Изяслава Ярополк. Детали переговоров с папой известны, поскольку они отразились в двух папских буллах, отосланных в результате переговоров. Одно послание (20 апреля) было отправлено папой к королю Болеславу. Оно содержит рекомендацию вернуть Изяславу отнятые у него богатства, хотя ни словом не оговаривается о помощи в деле возвращения стола. Другое послание (17 апреля) адресовано Изяславу Ярославичу, называемому в булле Димитрием (это крестильное имя Изяслава сообщает и летописец⁴⁰), а также его жене, не названной по имени. Вопрос о характере помощи в послании не обсуждается, есть только ссылка на устные поручения послу, который называется «верным другом» и лицом, известным Изяславу. Папа пишет, что Ярополку, называемому в письме Петром, который «смирненно молил нас» и «принес присягу быть верным главе апостолов», т. е. св. Петру, «дано в согласии с волей отца и матери княжение в Русской земле»: «Ваш сын, посетив могилу апостолов, прибыл к нам и смирненно молил нас, желая получить ваше государство от нас как дар св. Петра, давши клятву быть верным главе апостолов. Он уверил нас, что вы согласились бы на его просьбу.

В. Я.) ничего худого не предпринималось (Lamperti annales, ed. Holder-Egger. Hannoverae, 1894, S. 320). Бурхардт был сыном графини Иды Эльсторп от ее второго брака с графом Эллером; дочь Иды от первого брака с Липольдом Штаденским — Ода — была замужем за русским князем, который в хронике Альберта Штаденского называется Rex Rutziae. См. С. П. Розанов. Указ. соч., стр. 621.

³⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 198—199; т. II, стр. 274; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 1.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 68, 69, 225—257, 260, 263.

Так как она показалась нам справедливой, то мы и отдали ваши владения от имени св. Петра»⁴¹.

Легко заметить, что послание фиксирует лишь символический акт, который, однако, выглядит в высшей степени многозначительным. «Быть верным главе апостолов» — синоним верности папе, главе католической церкви. Принятие власти из рук папы, хотя бы символическое, накладывает тяжелую обязанность признавать само княжение леном католического Рима. Трудно представить себе, что вся эта процедура с посещением «могилы апостолов», клятвой в верности папе и т. п. могла совершиться, если Ярополк сохранял в этот период православие.

«Кодекс Гертруды» во многих деталях перекликается с посланием Григория VII. Моление Ярополка перед апостолом Петром, названным в тексте молитвы того же листа «главой апостолов» («*princeps apostolorum*»), это не просто моление перед патроном. Оно иллюстрирует описанное в булле моление Ярополка перед Римом, «клятву быть верным главе апостолов». Венчание Ярополка-Петра в великокняжеское достоинство — иллюстрация к символическому и единственному в жизни Ярополка получению им титула великого князя от папы вместе с «дарением» ему эфемерных владений Изяслава в 1075 г. Сам «Кодекс» поэтому может рассматриваться как материальное свидетельство тех надежд, которые были возбуждены у Гертруды в 1075 г. римской миссией ее сына. Я полагаю, что какая-либо более поздняя дата для «Кодекса» не может быть предложена вообще, так как после 1076 г. изображение Ярополка Изяславича с великокняжескими инсигниями могло восприниматься только как воспоминание о его незадачливой судьбе.

Приняв такое толкование, мы решаем одновременно весь комплекс тех недоуменных вопросов, которые были вызваны противоречиями в истолковании рассматриваемого памятника. Становится понятным смысл великокняжеских инсигний, титулование Петра «праведным» и даже казавшееся непонятым именование его единственным сыном Гертруды. Если католичество в изгнании было принято только Ярополком и Гертрудой, то в ее молитвах католички мог быть упомянут только единственный сын единоведец. Было бы по меньшей мере странным, если бы она одновременно молилась перед «главой апостолов» и о другом сыне, сохранявшем православие. Отсутствие в «Кодексе» имени Изяслава-Дмитрия также свидетельствует о сохранении им православия во время заграничных скитаний.

Изготовленные в 1075—1076 гг. миниатюры «Кодекса Гертруды» не имеют никакого отношения к русскому искусству. Они были выполнены на Западе не раньше 1075 г., но и не позднее 1076 г. Этим обстоятельством решается и недоумение исследователей по поводу самой необычности миниатюр. А. В. Арциховский отмечал: «Но есть русский князь, портреты которого действительно поражают нерусским характером одежды, а именно князь XI в. Ярополк Изяславич, дважды изображенный в рисунках Трирской псалтири. . . Нерусский характер этих облачений виден и из того, что здесь князь имеет золотой с жемчугом венец византийского типа вместо русской княжеской шапки»⁴². По-видимому, рисовальщик миниатюр вообще не был знаком с русскими образцами подобных изображений. Характерно, что он безошибочно написал имя ЯРОПЪЛК, что легко было сделать по прориси, но в словах М[НТН]Р ЯРОПЪЛ[ЧА] остановился в недоумении на букве Л, не зная, как написать падежное окончание. Он сделал и другую ошибку. Вместо правильного русского

⁴¹ *Historia Russiae monumenta. . .*, ed. A. J. Turgeniew, t. I, p. 1; P. L a u f e u. *Histoire politique des Papes*. Paris, 1860.

⁴² А. В. Арциховский. Одежда. — В кн. «История культуры древней Руси. Домонгольский период», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 255.

написания МАТИ срисовал титло МР, употребляемое лишь при написании имени богоматери.

Вывод о западноевропейском происхождении миниатюр Эгбертинской псалтири не нов. Мы только пришли к нему иным путем, нежели другие исследователи. Если А. Хазелоф связывал их с Киевом, а Н. П. Кондаков — с Владимиром Волынским или Луцком, то Н. П. Сычов и вслед за ним В. Н. Лазарев различают трех авторов миниатюр: 1) выполнившего фигуру апостола Петра на заглавном листе; 2) дополнившего эту миниатюру сценой моления Ярополка, его жены и матери; тому же мастеру приписывается авторство миниатюр с изображением рождества, распятия и венчания княжеской четы Христом; 3) выполнившего изображение богоматери. Для первого мастера характерен в значительной степени романский почерк, в произведениях второго присутствует сложный сплав из романских и византийских элементов, и только третий мастер названными исследователями признается с оговорками русским.

Н. П. Сычов связывал творчество второго мастера, для нас наиболее важного, с регенбургской школой живописи и, в частности, с монастырем св. Иакова на Дунае, принадлежащим к конгрегации монастыря св. Иакова в Регенсбурге. Такой вывод не противоречит нашим наблюдениям в своей принципиальной части, пока речь идет о принадлежности автора миниатюр к регенбургской школе. Основание монастыря св. Иакова в Регенсбурге относится к 1075 г., его история с самого начала связана с злоключениями Изяслава, так как монастырь был построен купцами, побывавшими в Киеве вместе с миссией Бурхардта. Тогда же участниками посольства был создан и монастырь св. Иакова на Дунае. Какие-то связи Гертруды с Регенсбургом существовали и позднее и должны быть отмечены, поскольку через два года после смерти Олисавы, в 1109 г., в регенбургском монастыре св. Иакова воздвигается церковь во имя св. Гертруды⁴³. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что Изяслав и Гертруда избрали Регенсбург своим местопребыванием во время изгнания и именно здесь ожидали окончательных результатов миссии Ярополка в Рим. Если это действительно так, то становится ясным то почтительное отношение, которое было проявлено к Гертруде-Олисаве регенбургским купечеством. Пользуясь гостеприимством Регенсбурга в изгнании, Гертруда впоследствии в Киеве могла особенно покровительствовать купцам, прибывавшим из Регенсбурга. Отмечу, что выбор Регенсбурга для жизни в изгнании кажется особенно вероятным и потому, что там, на важном торговом пути из Киева, в эпоху, когда главными распространителями новостей были купцы, удобнее всего было наблюдать изменения политической погоды в далекой Руси. Все эти соображения, действительные для Регенсбурга, не могут иметь отношения к дунайскому монастырю св. Иакова. Можно предположить, что миниатюры были изготовлены в Регенсбурге в промежуток времени от возвращения Ярополка из Рима до возвращения Изяслава в Киев.

Вопрос о количестве мастеров остается для нас сомнительным. Н. П. Кондаков весьма доказательно говорил о единстве композиции заглавной миниатюры, представляющей по сути дела книжный инициал, а выделение третьего мастера, как мне кажется, произведено только под впечатлением «Печерского» типа изображения, русское происхождение которого, как уже отмечено выше, сомнительно.

При таком истолковании «Кодекса Гертруды» могут быть разрешены и некоторые другие важные вопросы. Мы не знаем, в какой степени помощь Рима стала для Изяслава реальной. Известно, что и после получения папской буллы Болеслав — практически единственное возможное орудие папы в деле помощи изгнанному русскому князю — сохраняет активный

⁴³ М. Э. Ш а й т а н. Указ. соч., стр. 12, 13.

союз со Святославом и Всеволодом. В частности, в 1076 г. он пользуется помощью посланных Святославом князей Олега и Владимира Мономаха в борьбе с чехами. К моменту прибытия русских дружин Болеслав заключил мир с чехами, откупившимися от него деньгами, но русские князья отказались вернуться домой «без чести» и в течение нескольких месяцев действовали в Чехии на свой страх и риск. В результате союз Болеслава со Святославом был расторгнут⁴⁴, а Изяслав, уловив изменение ситуации, снова оказывается в Польше. В декабре 1076 г. Святослав умирает, в Киеве начинает княжить Всеволод, но уже в июле 1077 г. Изяслав полагается на Волыни с польской ратью, и Всеволод уступает ему великое княжение⁴⁵. 3 октября 1078 г. Изяслав был убит в битве при Нежатиной Ниве. В Киеве окончательно вокняжился Всеволод, от которого Ярополк Изяславич получил в удел Владимир Волынский, с приданным к нему Туровом, а Святополк — Новгород.

По возвращении в Киев, в 1077 г., Ярополк, по-видимому, некоторое время оставался католиком, так как им была начата постройка церкви во имя св. Петра, его католического патрона. Все известные православные церкви, посвященные апостолу Петру, посвящены одновременно и апостолу Павлу. Разграничение этих святых характерно только для католического церковного строительства⁴⁶. Однако затем он снова принимает православие. Выше уже цитировалась его летописная характеристика, рисующая его даже фанатиком православия, склонным к подвижничеству и озабоченным намерением «омыть грехи вся своею кровью». По-видимому, под грехами следует понимать его временное вероотступничество. Когда в 1158 г. умерла его дочь, бывшая замужем за князем Глебом Всеславичем, и оставила свое имение Киево-Печерскому монастырю, то по этому поводу летописец вспоминает, что и Ярополк отдал этому монастырю «всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревскую и Луцкую и около Киева»⁴⁷.

Утверждая, что Ярополк сохранял католичество некоторое время по возвращении в Киев, я придаю большое значение тому показанию, которое содержится в его имени. Если, будучи католиком, Ярополк назывался Петром, вполне закономерным было бы предположение, что его христианское имя в православии было иным. Подобно тому, как Олисава, перейдя в католичество, стала называться Гертрудой и снова стала Олисавой, вернувшись в «греческую веру», ее сын вместе с католическим крещением должен был оставить свое православное имя. Католическое имя Ярополка нам уже известно. Как же звали его на Руси?

На этот счет существует любопытное показание, позволяющее, по-видимому, решить поставленный вопрос. В Киеве в 1909 г. была найдена свинцовая печать диаметром 24—25 мм на толстой (до 4 мм) пластинке (рис. 4, 1)⁴⁸. На одной стороне этой печати в линейном кругу помещено погрудное изображение св. мученицы Елисаветы или Елисаветы и надпись по сторонам: O|J|C—A|B|A, т. е. Олисава. На другой стороне — изображение архангела в полный рост, с жезлом и сферой; по сторонам

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 199; т. II, стр. 273; т. VII, стр. 1.

⁴⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 199; т. II, стр. 273, 274; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 1, 2.

⁴⁶ Церковь св. Петра, начатая Ярополком, упоминается летописцем под 1086 г. в связи со смертью Ярополка: в ней он был похоронен. Начать строительство этой церкви Ярополк мог только в 1077—1078 гг. Показательно, что в позднейшее время эта церковь, находившаяся в киевском Димитриевском монастыре, носила официальное наименование Петропавловской. См. Р а т и ш и н. Полное собрание сведений о монастырях и церквях, 1852.

⁴⁷ ПСРЛ, т. II, стр. 82, 305; т. VII, стр. 67. Ярополк Изяславич впоследствии (в 1866 г.) был причислен к лику святых. В официальном житии Ярополка, разумеется, нет ни слова о его римском путешествии.

⁴⁸ Печать в 1959 г. поступила в Отдел нумизматики ГЭ из Библиотеки АН СССР (Ленинград), где она хранилась в составе части коллекции Н. П. Лихачева, перешедшей затем к академику Н. К. Никольскому.

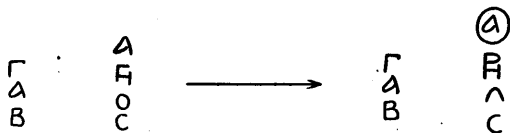
Рис. 4. Печати с изображением святых Елизаветы и Гавриила

1 — Эрмитажный экземпляр; 2 — Львовский экземпляр

колончатые надписи, из которых в поле попала только правая: \textcircled{A} РИЛ|С, позволяющая восстановить всю надпись как \textcircled{A} (ГАВ)РИЛС⁴⁹. Н. П. Лихачев отмечает в изображениях «сильное влияние византийских образцов» и называет памятник «печатью старейшей эпохи»⁵⁰. Действительно, по своим техническим данным (величина заготовки, толщина кружка) печать является несомненным памятником XI в., на который указывает и погрудное изображение (на печатях XII в. святые в подавляющем большинстве случаев изображаются в рост). С другой стороны, изображение Гавриила по своей композиции примыкает к изображениям на печатях XII в., но кажется более архаичным. Все это позволяет говорить о конце XI в., а следовательно, и о том, что описанная печать должна иметь отношение к Гертруде-Олисаве. Помещение на печати парных изображений святых в древней Руси могло иметь двойное значение. Чаще всего таким образом изображались христианские имя и отчество владельца буллы, но этот обычай устанавливается только в первой половине XII в. Для более раннего времени изображение двух святых выражало иерархические отношения владельца печати с тем лицом, которому владелец печати был подчинен непосредственно. Известны печати княжеских советников, епископов и даже митрополитов, на которых кроме имени владельца помещается также и княжеское патрональное изображение⁵¹. Следует проверить обе возможности определения печати.

Вряд ли в описанном памятнике возможно усматривать обозначение полного, с отчеством, имени Олисавы. В этом случае ее звали бы Гаврииловной. Но ее отец не был православным, и Олисава не могла передать свое отчество таким способом. Призная на печати сосуществование патрональных изображений разных лиц, мы не можем отнести ее ко времени Изяслава Ярославича, так как мужа Гертруды-Олисавы звали Димитрием. Невозможно датировать печать и последним периодом жизни Олисавы,

⁴⁹ Сохранившаяся колонка надписи, несомненно, трансформирована резчиком матрицы из первоначальной композиционно неудачной надписи:

⁵⁰ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLV, 2; рукописный текст альбома.

⁵¹ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — СА, 1957, № 1. Пользуюсь случаем, чтобы предложить атрибуцию одной такой печати, определение которой я не смог сделать при ее публикации (В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — МИА, № 55, 1956, стр. 160, № 46; см. также СА, XVIII, 1953, стр. 379, рис. 8). Изображения на ней святых Лазаря и Василия и отмеченная при публикации ее принадлежность к рубежу XI—XII вв. позволяют датировать эту буллу временем епископа Лазаря, занимавшего кафедру в Переяславле в 1105—1117 гг. при Владимире-Василии Мономахе.

когда она жила у Святополка, которого звали не Гавриилом, а Михаилом. Нельзя связывать ее и с неизвестным по христианскому имени третьим сыном Олисавы — Мстиславом, который умер еще при жизни Изяслава Ярославича. Имеется одна только возможность датировать печать 1078—1086 гг., т. е. тем временем, когда Олисава жила во Владимире Волынском у Ярополка. Она могла пользоваться своей печатью как главная советница сына, которого, таким образом, в православии звали Гавриилом.

Эта предположительная атрибуция в известной степени подтвердилась находкой еще одного экземпляра описанной выше печати с изображением Олисавы и Гавриила, которая была обнаружена во Львове в коллекциях Отдела археологии Института общественных наук АН УССР в декабре 1959 г. (рис. 4, 2). Если первый экземпляр, найденный в Киеве, не давал прямого топографического указания на место употребления его матриц, то новый экземпляр самим местом его обнаружения подтвердил предположенную связь этой буллы со сфрагистикой Волыни.

В литературе уже поднимался вопрос о возможном католичестве Изяслава Ярославича. Версию о том, что Изяслав во время изгнания и скитаний по Западной Европе стал католиком, поддержал А. Левицкий, обнаруживший в рукописи XV в. из Курницкой библиотеки графов Рачинских запись, озаглавленную: «Textus in Pallio Sancti Adalberti descriptus», т. е. «Текст, написанный на паллиуме святого Адальберта»⁵². Привожу этот текст в переводе: «Молитвами святого Димитрия подаждь, боже, многая лета рабу твоему Изяславу, князю русскому, во оставление грехов и в жизнь вечную, аминь. Господи, да будет во имя твое»⁵³. Надпись, переписанная в XV в. с древнего покрова XI в., была обнаружена и опубликована за несколько лет до открытия «Кодекса Гертруды».

Вклад Изяслава Ярославича связан с событием, заметным в истории польской церкви XI в. В 1076 г. в Гнезно была освящена кафедральная церковь с главной святыней — гробом св. Адальберта, ризы с которого перед тем были увезены в Чехию Брячиславом, захватившим их во время набега на Гнезно. Восстановление святыни было важным политическим актом, участие в котором принял и Изяслав. Трудно сказать, был ли его вклад сделан в 1076 г., когда он снова появился в Польше, или позднее, когда он уже был киевским князем. Думается, что первое предположение более вероятно. Впрочем, это хронологическое уточнение и не так уж важно, поскольку А. Левицкий говорил о католичестве Изяслава лишь на том основании, что Изяслав сделал вклад в католический храм. А. Левицкому возражал И. А. Линниченко⁵⁴, смысл критики которого сводился лишь к тому, что мнение А. Левицкого не подкрепляется другими данными, среди которых И. А. Линниченко, однако, не нашел и прямых опровержений этого мнения.

Между тем, такие опровержения содержатся в самом тексте, написанном или вышитом на паллиуме. В надписи Изяслав называется Димитрием. Это его православное имя, под которым он известен летописцу задолго до своих заграничных скитаний. Будь он католиком в момент дарения паллиума, его звали бы как-то иначе, так как с переходом в католичество он не сохранил бы своего старого имени. Особо отмечу, что православие Изяслава таким путем подтверждается и для критического 1075 г., так как Димитрием он назван в папской булле 17 апреля. Выше уже отмечено, что отсутствие его имени в молитвеннике Гертруды также свидетельствует против его возможного католичества.

⁵² Паллиумом в древности мог называться омофор или другие освященные ткани: покров на алтарь при гробе мученика, покров для одяния реликвий и т. п. Подробные консультации М. Соколовского по этому поводу см. в указанном сочинении И. А. Линниченко, стр. 336.

⁵³ A. Lewicki. Napis na paliuszu z XI wieku. — *Kwartalnik historyczny*, 1893.

⁵⁴ И. А. Линниченко. Указ. соч.

Следует различать две стороны вопроса: принял ли Изяслав католичество, — на этот вопрос мы можем ответить отрицательно; и был ли он склонен к союзу с западными государствами против остальных русских князей еще до того, как обстоятельства заставили его искать такого союза. Последний вопрос более сложен, но ответ на него должен быть положительным. Вопрос об отношении Изяслава к вероисповеданию прямо обсуждается в послании к нему Феодосия Печерского⁵⁵, которое могло быть составлено скорее всего в 1068 г. во время пребывания в Киеве Болеслава с его дружинниками. «Ты же, чадо, блюдися кривоверных, — пишет Феодосий, — и всех их словес, занеже исполнилася и наша земля злых тоя веры. . . Не подобает же, чадо, хвалити чюжие веры: аще хвалит кто чюжую веру, то обретається свою веру хуля. . . Ты же, чадо, блюдися их и подвизайся в своей вере добрыми делы». В послании Феодосия есть место, которое прямо касается Олисавы-Гертруды. Видя, нужно думать, именно в ней особую опасность для Изяслава, он призывает «блюсти своих дочерей, не давати за них, ни у них поимати», т. е. выступает против браков с иноверными.

В послании Феодосия хорошо слышен голос дальновидного и умного политика. Для него смена веры великим князем — политический акт, который грозит свергнуть Русь в тяжкие испытания и утвердить над ней тягостное иго напизма. Но выступая против латинян, он вовсе не проповедует фанатические идеи изувера-церковника, которому омерзительна «нечистота» иноверцев. Его патриотизм гуманен: «Милуй не токмо своя веры, но и чюжия: аще видишь нага и голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых, — всякого помилуй и от беды избави я, яже можеши»⁵⁶.

Во всяком случае, уже в 1068 г. Феодосий предостерегал Изяслава Ярославича, угадывая его тяготение к активному союзу с католическими государями против своих братьев Ярославичей. Эти опасения оправдались позднее, когда Изяслав действительно бросился на поиски такого союза, когда принял католичество его сын и вернулся в «латинскую веру» его жена. Однако сам Изяслав католичества не принимал.

Сложная история политической борьбы 1068—1077 гг. дополняется не менее сложной историей идеологической борьбы. В эти годы решительно сталкиваются три силы: Изяслав, ищущий союза с западными государствами и католической церковью, его братья, — в первую очередь Святослав, — выступающие с оружием в руках против Изяслава, и внушительный центр русского православия — Киево-Печерский монастырь, линия которого кажется весьма интересной.

Характеризуя Изяслава, я не могу согласиться с И. А. Линниченко, считавшим Изяслава «бесхарактерным человеком», который «не решается сам ни на какое важное дело, прячется в критических обстоятельствах за спину других» и только по своему слабоволию не способен переменить веру⁵⁷. Напротив, Изяслав Ярославич кажется мне весьма ловким и способным политиком, главной чертой которого тем не менее является склонность к политическому авантюризму. Это князь, который в стремлении к единодержавию и в борьбе со своими братьями не увидел на Руси сил, способных обеспечить его притязания, и приступил к проведению опасной политики, опираясь на поляков, немцев и папскую курию. Его

⁵⁵ Авторство посланий Феодосия долгое время признавалось спорным, так как существовало мнение, что они принадлежат Феодосию Греку (XII в.). Серьезные доказательства их принадлежности Феодосию Печерскому содержатся в статье И. П. Еремина «Из истории древнерусской публицистики XI в.». — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ, т. 2, 1935, стр. 21—38.

⁵⁶ А. П о п о в. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, стр. 69—81.

⁵⁷ И. А. Л и н н и ч е н к о. Указ. соч., стр. 334.

симпатии к «латинянам» очевидны. Однако, что весьма важно, Изяслав так и не делает решительного шага к католичеству. Он предпочитает обратиться в католичество своего сына и добиваться от Рима поддержки таким обходным путем, который собственно ни к чему его не обязывал. Ведь если бы помощь Рима на самом деле оказалась реальной, Ярополк все равно не смог бы утвердиться на киевском столе в обход Изяслава и его братьев. Изяслав обеспечивал себе помощь Рима вплоть до успеха, а в дальнейшем имел все основания не признавать «присяги» своего сына и «дарения» Григория VII. Тем не менее, он шел скользким путем, который при ином повороте событий мог поставить Русь в зависимость от курии.

Святослав и Всеволод, поднявшие меч на Изяслава, видели перед собой вполне достаточный повод для борьбы. Следует особенно подчеркнуть, что их выступления против Изяслава Ярославича направлены против него лично. Нарушая установленный Ярославом Мудрым принцип старшинства, братья не предполагали низвергнуть самый принцип. В этом убеждает и избрание в 1073 г. великим князем Святослава, т. е. следующего по старшинству сына Ярослава, и бескровное возвращение Изяслава в 1077 г., когда Всеволод передал ему стол по соглашению. Инициатор борьбы с Изяславом Святослав выступает за поддержку национальной независимости Руси, против тех тенденций своего старшего брата, которые могли повлечь подчинение Руси политике католических государств.

В этой борьбе заметную роль играет Феодосий Печерский. Выступивший в 1068 г. перед Изяславом с увещанием против «латынян», Феодосий в дальнейшем активно поддерживает Изяслава. Он сравнивает Святослава Ярославича с Каином и с момента занятия Святославом великокняжеского стола в 1073 г. продолжает помянуть в ектеньях великим князем Изяслава, находящегося в изгнании. Незадолго до смерти Феодосия в 1074 г. его отношение к Святославу несколько смягчилось, и имя Святослава Ярославича также стало помяняться в церковных службах Киево-Печерского монастыря, но на втором месте, после имени Изяслава⁵⁸. Обращает на себя внимание и общий тон летописного повествования, отражавшего те взгляды, которые создавались в стенах Киево-Печерского монастыря. Летописец как бы закрывает глаза на возможное вероотступничество Изяслава и действительное вероотступничество Ярополка и выставляет их страдающей, обиженной стороной. Как ни сложна эта позиция, но за ней нельзя не видеть четкой политической линии Феодосия и его преемников. Феодосий своими средствами борется за независимость Руси от западных держав и русской церкви от папской курии. Если Святослав и Всеволод выступали против Изяслава, то Феодосий выступает за Изяслава, предлагая ему вместо опасной поддержки католической церкви поддержку русской церкви. Нужно думать, что, совершая свои сложные политические эволюции во время заграничных скитаний, жадно выслушивая в Регенсбурге русские новости, Изяслав имел в виду, что и на Руси ему обеспечена серьезная помощь, которой он может воспользоваться, когда возникнет необходимость в отказе от каких-либо обязательств Григорию VII.

Если Изяслав, подготовивший хитроумную политическую авантюру своего сына, предвидел ее результаты и преследовал в ней только собственную цель, то для Гертруды и католичество, и дарение папой Ярополку русского княжения, и будущий успех ее сына должны были казаться вещами окончательно решенными. Об ее слепой вере в реальность всего происходящего говорит, прежде всего, ее молитвенник, в котором отразились представления и надежды матери Ярополка. Не случайным ка-

⁵⁸ Киево-Печерский патерик, стр. 69.

жется нам и сочувственное внимание, которое проявлялось к ней на Западе и выразилось в построении церкви св. Гертруды в Регенсбурге сразу же после смерти Олисавы-Гертруды, в почитании этого имени венгерским домом, а также в существовании каких-то духовных связей между Гертрудой-Олисовой и ее потомком Елизаветой Венгерской, католичкой, впоследствии канонизованной католиками.

Все эти наблюдения в заключение позволяют коснуться одного нумизматического сюжета, который в литературе был связан с событиями 1075—1078 гг. Я имею в виду проблему атрибуции древнерусских сребреников с изображением св. Петра. Н. И. Петров и вслед за ним А. В. Орешников, основываясь на предположенном ими сочетании имен Димитрий и Петр на некоторых экземплярах таких сребреников, видели в них нумизматические памятники совместного правления Изяслава Ярославича и Ярополка Изяславича в 1077—1078 гг.⁵⁹ «Можно предположить, — писал А. В. Орешников, — что Изяслав в преемники Киевского стола прочил сына Ярополка, которого он через 2 года после его возвращения из Рима, в 1077 г., посадил поблизости Киева в Вышгороде. . . Отчеканенные Изяславом сребреники, с присоединением в надписи к его имени имени его сына Ярополка, как будто, говорят, что они служат не только знаками обмена, но и заявляют, что будущим преемником Киевского стола будет Ярополк»⁶⁰. Мне уже приходилось высказываться против этой атрибуции, которая резко противоречит всему комплексу существующих сведений о древнейших русских монетах. Сопровождающий материал кладовых комплексов, состояние сырьевой базы русской монетной чеканки X—XI вв., особенности княжеского знака на этих монетах датируют рассматриваемый тип более ранним временем и заставляют относить его предположительно к чекану Святополка Окаянного (1015—1018 гг.)⁶¹. Теперь я могу добавить, что и политический аргумент, выставленный А. В. Орешниковым, противоречив. Предположенная им совместная чеканка Изяслава и Ярополка могла осуществляться только в соответствии с результатами римской поездки Ярополка и свидетельствовать о выполнении Изяславом тех условий, которые были предложены Григорием VII. Между тем, весь ход событий, приведший к возвращению киевского стола Изяславу, не связан с римскими переговорами Ярополка и, следовательно, отменяет их.

Подведем краткие итоги изложенным выше наблюдениям. История Трирской псалтири и ее миниатюр представляется нам следующим образом. Псалтирь, изготовленная в конце X в. в Трире, была подарена Гертруде-Олисаве трирским соборным пробстом Бурхардтом в 1074 или 1075 г. В 1075 или 1076 г. в связи с поездкой в Рим Ярополка Изяславича была изготовлена и подшита к Трирской псалтири рукопись с миниатюрами, называемая «Кодексом Гертруды». Выполнение этого «Кодекса» связано, по всей вероятности, с Регенсбургом, где можно предполагать местопребывание Изяслава с семьей в указанные годы. В 1102 г. псалтирь была подарена Олисовой-Гертрудой ее внучке Сбыславе Святополковне, отданной замуж за Болеслава III. После смерти Сбыславы книга оказалась в руках второй жены Болеслава Саломеи и была пожертвована ею в вюртембергский Цвифальтенский монастырь, откуда вскоре попала к графам Ардек⁶². Во второй половине XII в. псалтирь была разыскана

⁵⁹ Н. И. Петров. Монеты великого князя Киевского Изяслава Ярославича. — Тр. IX АС, т. I, стр. 103—115; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, стр. 53—62.

⁶⁰ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 60.

⁶¹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 162—171.

⁶² Я не касаюсь вопроса о дате еще одного дополнения к Эгбертинской псалтири — календаря. Этот вопрос обсуждался Х. Зауерландом и А. Хазелофом, но для его дальнейшего изучения необходимо непосредственное обращение к рукописи.

праправнучкой Гертруды-Олисавы польской королевой Гертрудой-Елизаветой из венгерского дома, а затем оказалась в руках ее родственницы Елизаветы Венгерской, которая передала ее в дар собору в Чивидале, откуда она и была извлечена в место современного хранения — архив Чивидале.

Наблюдения над содержанием «Кодекса» и другими памятниками XI в. говорят о том, что в изгнании Гертруда и Ярополк приняли католичество, чтобы обеспечить Изяславу поддержку Григория VII. На Руси они снова вернулись в православие, причем Гертруда стала называться Олисой, а Ярополк-Петр — Ярополком-Гавриилом.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СВОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

